

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2020 г. С. О. Курьянов
г. Симферополь, Россия

© 2020 г. А. В. Баранов
г. Ялта, Россия

ПАСТУХ НЕБЕСНЫХ СТАД И СКОТИЙ БОГ: ВЕЛЕС В РУССКОЙ ФОЛЬКЛОРНОЙ КАРТИНЕ МИРА

Аннотация: Народная славянская картина мира на протяжении веков была тесно связана с языческими представлениями. В них месяц (ночное светило) устойчиво выступал божеством, тесно связанным с богом Велесом (Волосом). В статье большое внимание уделено принципам объединения ипостасей Велеса между собой. Показано, что его иномирные личины — змеиное, медвежье и турье обличье — разными сторонами подчеркивают единство Велеса и Месяца. Несомненна связь в древнерусском пантеоне Велеса и Дажьбога. Она аналогична всей сложности отношений олицетворенных Месяца и Солнца. Оба божества выступают подателями благ, но к Велесу обращались за богатством и приплодом, а к Дажьбогу — за урожаем. Велес, в первую очередь, — бог потустороннего мира. Он — пастух небесных стад, т. е. душ, находящихся на небе. Древнеславянские поверья о луне как о посмертном пристанище еще раз подтверждают тождественность божества (Велеса) и ночного солнца (Месяца). Имя Велеса отождествляли с неким хтоническим или обычным змеем, а также с медведем. Змей как представитель иномирия связывает Месяц (обитель душ умерших) с Велесом. Объединяющим звеном между Велесом и Месяцем также без сомнения выступает иномирный медведь (дух медведя). В балтийской мифологии небесный бог потустороннего мира и хтонический персонаж, связанный с подземным царством, два разных существа — Велс и Вялняс. В древнерусской и славянской картине мира такого разделения не существовало, поэтому образ Велеса-Волоса двойной и монолитный одновременно.

Ключевые слова: Велес, Велес-Волос, Месяц, лунный бог, Дажьбог, Власий, потусторонний мир, вели, лаумы, змей, медведь, Велс, Вялняс.

Информация об авторах:

Сергей Олегович Курьянов — доктор филологических наук, доцент, Таврическая академия, Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского, просп. Академика Вернадского, д. 4, 295007 г. Симферополь, Россия. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-7299-9568>. E-mail: so_k@inbox.ru

Александр Васильевич Баранов — магистрант, Таврическая академия, Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского, просп. Академика Вернадского,

д. 4, 295007 г. Симферополь, Россия. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-0595-8184>. E-mail: aleksandr.baranov.97@mail.ru

Дата поступления статьи: 02.08.2019

Дата публикации: 28.06.2020

Для цитирования: Курьянов С. О., Баранов А. В. Пастух небесных стад и скотий бог: Велес в русской фольклорной картине мира // Вестник славянских культур. 2020. Т. 56. С. 55–67. DOI: <https://doi.org/10.37816/2073-9567-2020-56-55-67>

Актуальность данного исследования объясняется непрекращающимся интересом к истокам формирования народной славянской картины мира, которая существенно повлияла на формирование русского национального мировосприятия, нашедшего отражение в фольклоре, что в свою очередь сказалось на формировании своеобразной образно-поэтической системы русской литературы.

В классических трудах отечественных исследователей славянского фольклора (М. Е. Соколов, И. И. Срезневский, А. Н. Фаминцын, А. Н. Афанасьев, Г. Г. Глинка и др.) значительное внимание уделяется солнечному (солярному) культу. Исследованы многие аспекты как жизнотворческой, так и испепеляющей силы Солнца, а также небесного и земного огней (существуют отдельные работы, посвященные названной теме; см., например, давнее исследование «Старорусские солнечные боги и богини» М. Е. Соколова, изданное в Симбирске в 1887 г.).

Но, в отличие от дневного светила, обожествления и олицетворения луны (месяца) анализируются значительно реже.

Месяц в словесной традиции являлся одним из ключевых элементов народной картины мира. Слово «луна» в народной поэзии и народных верованиях встречается значительно реже, поскольку, по мнению исследователей, оно вторично [2, с. 20]. Достаточно обратить внимание на частотность упоминаний месяца в народных приметах («задернут месяц тусклою дымкой, — размокропогодится на дворе <...>» [10, с. 79]) и заговорах («утренней зарей подпояшуся, младым месяцем сотнуся, частыми звездами затычуся» [16, с. 97]), на характер обращений к светилу («Месяц, месяц, серебряные твои рожки, золотые твои ножки! Паси-береги овец моих, как пасешь-бережешь ярк небесных — звезды частыя!» [10, с. 79]), пиитетное отношение к нему («Вольно собаке и на небо лаять (на месяц, на владыку)» [14, т. 2, с. 180]) и т. п.

Как видно, в языческих представлениях славян месяц устойчиво выступал божеством, что дает возможность связывать его с конкретным богом славянского пантеона — Велесом (Волосом).

Цель данной статьи — показать зависимость народной славянской картины мира от языческих представлений, связь народного представления о месяце с представлениями о языческом боге Велесе (Волосе).

Месяц и Велес

Насколько нам известно, впервые месяц с богом Велесом соотнес А. Н. Афанасьев. «Каледворская рукопись, — писал он, — называет богов пастырями <...> такое значение в наших приданиях присваивается месяцу и богу Волосу или Велесу» [1, т. 1, с. 414]. Правда, рукопись, на которой основывал свою мысль ученый, в конце концов была признана поддельной. Однако это не отменяет единства светила и божества в представлениях славян. Больше всего иллюстрирует связь месяца с Велесом (Волосом) одна из приведенных А. Н. Афанасьевым загадок: «Есть поле сиянское <...> много

в нем скота астраханского <...> один пастух — словно ягодка» (или: “а пастух вышинский”)» [1, т. 1, с. 414]. Месяц назван «вышинским пастухом», на «поле сиянском», т. е. пастухом на небе. Данное положение принял и А. А. Коринфский, отметивший, что «древнеславянские сказания о богах, называя Велеса пастырем небесных стад, отождествляют его с месяцем (небесные стада — звездная россыпь)» [10, с. 177].

Это единение подчеркивает и явный процесс десакрализации. Так, собственное имя божества в некоторых местностях перешло в нарицательное: «В рязанской губ. “велес” (велец) означает распорядителя, указчика, подобно тому, как санскритское “go-ра”— сначала пастух, а потом родоначальник, царь» [1, т. 1, с. 414].

Но, несмотря на столь явно прослеживаемую генетическую связь Велеса и месяца, уже давно ученые причисляют Велеса к земным богам (см., например, книгу Г. Г. Глинки «Древняя религия славян» [8, с. 80]). Такой взгляд на природу и функции Велеса, появившийся еще в XVIII–XIX вв., А. Н. Афанасьев подверг критике. Исследователь утверждал, что в качестве «святого бога» Велес заведовал небесными сферами ранее всего, а покровительство над земными было приписано Велесу позже, из-за потери истинного назначения древнего божества [1, т. 1, с. 417].

В то же время наиболее обоснованной выглядит в связи с этим утверждение академика Б. А. Рыбакова, который писал, что изначально Велес не мог быть небесным божеством, так как культ его берет начала в палеолите, а «небо в палеолите не играло особо важной роли; мир человека был плоским» [16, с. 598].

На наш взгляд, тут нет противоречия. Велес, несомненно, имеет небесную и земную мерности, что естественно, если мы учитываем изменения древних представлений на протяжении различных этапов становления человеческой культуры. Амбивалентность мифа делает его ипостаси, ключевые в особенности, постоянно видоизменяющимися и могущими включать в себя подчас несовместимые черты.

Объединение Велеса с месяцем, существование в народном сознании единого Месяца-Велеса подчеркивается частой фольклорной актуализацией небесной ипостаси языческого бога. Данная связь (Месяц-Велес) оказалась прочной и устойчивой на протяжении многих веков двоеверия.

В православном месяцеслове день почитания Велеса был заменен днем памяти святого Власия (11 февраля) [10, с. 176]. И св. Власий перенял роль покровителя скота: его чествование неразрывно связано с заботой о приплоде и защите от коровьей смерти — болезни, которой подвержен крупный рогатый скот. Помимо этого, Власий (Велес) наделяется потенцией первой победы над Зимой-Мораной («Власий, сшиби рог зиме», «сшибет Власий Рог зиме» [10, с. 178]). Отсюда — «февраль бокогрей», «февраль бок согреть и старухе, и деду, и медведю в берлоге» [10, с. 179]. Февраль-бокогрей также считался путеводным месяцем («февраль-бокогрей путь-дорогу красной (Руси или весне) кажет» [10, с. 201]), месяцем, с которого начинается прирост светлого времени суток («Февраль три часа дня прибавит!»).

По обычаю пращуров после Власьева дня «окликали звезды», что называлось «окличками», целью которых было увеличение плодовитости овец. Тем самым подтверждается соединенность Власия (Велеса-Месяца) со своей паствой-звездами и в народном календаре. Святого (или божество) наделяли не только силой даровать плод, но и урожай: «Блюлся в старину по селам обычай — выставлять на три утренних зорьки после Власьева дня всякие семена на мороз, а потом подмешивать их в меру при будущем посеве. Это называлось “делать семенное” и делалось — в надежде на обильный урожай» [10, с. 182].

Народные приметы, поговорки и заговоры наполнены множеством примеров наделения месяца силой увеличения и прибавления, соразмерно тому, как он сам «растет»: «Если кому посчастливится увидеть с правой стороны от себя народившийся месяц, да спохватится увидевший показать месяцу хоть копейку медную (не говоря уже о серебряной или золотой монете) перевода у того деньгам не будет, “ничего не видя разбогатеет!”» [10, с. 29]. Здесь ночному светилу приписываются черты подателя материальных благ. Подтверждение этому находим в «Большом словаре русских народных сравнений»: «Денежки-то чисты, как светел месяц» [3, с. 390.] Причем функцию подателя финансовых благ в славянской фольклорной традиции возлагают на месяц растущий, но не на солнце или иные небесные тела. При этом месяц ассоциируется с рогом изобилия: «Месяц, месяц молодой! Табе рог золотой, табе на увеличение, а мне на доброе здоровье!» [10, с. 30]. В связи с этим необходимо упомянуть замечание академика Б. А. Рыбакова о том, что «среди языческих идолов славянского средневековья наиболее часто встречается изображение бородастого мужчины с огромным турьим рогом, “рогом изобилия” в руке <...>. Единственное божество, с которым можно связывать эти изображения, — это <...> Велес» [16, с. 427].

Растущий месяц в народном представлении также несет и нематериальное богатство: его, например, просят и об увеличении своего здоровья.

Вообще славяне устраивали свой быт в соответствии с циклами ночного светила: «Всякую работу советуют добрые люди начинать тогда, когда растёт-подрастает светел-месяц», «ущербает месяц — и скот худеет, с тела спадает» [10, с. 97]. Последняя примета ставит физиологические процессы в зависимость от фазы месяца, что значительно расширяет его влияние и власть над народным сознанием. Заметим, что в православии черты Велеса приписывались не только Власию, но и «Власии, Флоре и Лавре, Николе, некоторым святым, носящим имя Василий» [12, с. 104].

Таким образом, Велес как скотий бог, а также как покровитель приплода, урожая, здоровья, богатства и Месяц, имеющий аналогичные функции, не просто схожи, но во многом тождественны друг другу.

Солнце и Месяц — Дажьбог и Велес

Особенно интересно проследить связь Месяца с Солнцем с позиции отождествления первого с Велесом, а второго — с Дажь(дь)богом, «представителем солнца» [22, с. 224] или же его олицетворением [10, с. 67]. Оговоримся, что для мифопоэтического мышления Небо, небесный прабог — это не личность, а, скорее, дом, обитель огромной семьи, состоящей из солнца, месяца, зорь и звезд. Язычники верили, что божественных обитателей высшего царства мы видим благодаря тому, что они открывают окна в своих жилищах [10, с. 76]. Исходящий от их ликов свет или же сам лик (как в случае с луной-месяцем) — это только небольшая часть, которую мы способны заметить.

Как известно, небесные светила «были почитаемы в особых божественных образах» [1, т. 1, с. 81]. Солнце в древности отождествлялось с Дажьбогом, сыном Неба-Сварога: «И после (Сварога) царствовал сынъ его именемъ Солнце, его же наричают Дажьбог <...> Солнце-царь, сын Сварогов, еже есть Дажьбог, бе бо муж силен» [10, с. 67]. Месяц в мифологической системе представлений славян соединялся с небесной ипостасью Велеса.

Между дневным и ночным светилами чаще всего устанавливаются родственные отношения, в русском фольклоре Солнце и Месяц определены супругами, но в иных

славянских традициях возможны разнообразные вариации [17, т. 2, с. 144]. Эта ситуация выглядит странно, поскольку мужское начало связано и с Солнцем-Даждьбогом — царем, и Месяцем-Велесом — пастырем звезд.

В современном русском языке у ночного светила существуют два основных наименования: «месяц» и «луна». В более древние периоды они в первую очередь воспринимались как мужское и женское начала одного божества, но в конкретной ситуации употреблялась одно или другое наименование. Солнце же принимало пол, противоположный тому, которым наделялось ночное светило. Примером может служить пословица «Солнце князь — луна княгиня» [10, с. 75]. Луна здесь «является солнцевой супругою, с чем совершенно сходятся языческие сказания о светозарной жене Даждьбога» [10, с. 75]. В ином случае в сказании о ссоре солнца и месяца солнце выступало «Божьей дочкой», а месяц — ее супругом [1, т. 1, с. 235].

В связи с нашим исследованием интересны суждения А. А. Коринфского, объединяющего Велеса и Даждьбога в один класс богов плодородия, богов настолько близких, что один и тот же праздник в древнейшие времена вначале был посвящен Даждьбогу, а позже — Велесу: «Во времена древнерусского язычества этот праздник (*зажинки, крупнейший праздник земледельцев*) был посвящен милостивому Даждьбогу; несколько позднее праздновали его Волосу-Велесу» [10, с. 341]. Этот пример свидетельствует о том, что Велес и Даждьбог, будучи божествами плодородия и достатка, могли быть взаимозаменяемыми. К тому же А. А. Коринфский утверждает, что «знали еще наши отдаленнейшие предки-пращуры и Даждьбога, и Белбога, а не то что сыновей их — Велеса и Перуна» [10, с. 291], указывая на отношения месяца и солнца в пантеоне славянина-язычника, где Даждьбог являлся более древним, чем Велес, божеством и по одной из версий его родителем. Но ни Даждьбог, ни Велес от своего иерархического положения значимости своей не потеряли и друг друга не вытеснили, занимая важное место в древнеславянской картине мира. Так, у русских «август-месяц в старину весь был посвящен богам полей: Даждьбогу и Велесу» [10, с. 364].

Взаимозаменяемость, родство и схожесть функций Даждьбога и Велеса напоминают аналогичные отношения между солнцем и месяцем. Вспомним, что нарастающий месяц является гарантом увеличения всякого блага, а Велесу-Власию молятся о плодородии и приплоде. Солнце же (Даждьбог) является универсальным подателем благ и «силою, оживляющею всю природу» [19, с. 6]. Из-за функций, близких к солнечным богам, Велеса иногда с ними отождествляли («Велес имеет полную аналогию с греческим Аполлоном» [7, с. 28]), но значительно чаще от них отделяли. А. Н. Афанасьев не соглашался с данной позицией, не находя ей оснований в славянском фольклоре [1, т. 1, с. 413]. А. С. Фаминцын сравнивал Велеса со скандинавским Воданом, но не Бальдером, имевшим черты Даждьбога [22, с. 226]. Напомним, что Водан (он же Один) являлся верховным божеством скандинавов и предводителем дикой охоты — душ мертвых воинов [13, т. 2, с. 241]. Последнее требует развернутого объяснения и может многое уточнить.

Велес-Месяц как иномирное божество

Б. А. Рыбаков, ссылаясь на работы А. Н. Веселовского и Н. М. Гальковского, пишет о тесном родстве Велеса с «культом мертвых, предков, душ умерших <...> (литовск. *welis* — покойник, *wilci* — души умерших)» [16, с. 424] и связывает эту часть гипотезы о языческом божестве с почитанием духа медведя, распространившееся у сла-

вян (правда, значительно позже) на мир мертвых [16, с. 425]. При описании медвежьего культа, являющегося самым устойчивым тотемным представлением у северных народов со времен палеолита [16, с. 108], исследователь указывает на народное название созвездия Плеяд — «Волосыни», «Волосожары», приносящие, по поверью древнего человека, удачу в охоте на медведя. Все это позволяет Рыбакову сделать вывод о том, что Волосом названо самое древнее из славянских божеств, наследовавшее в язычестве архаичный культ медведя [16, с. 107].

Вместе с тем еще А. А. Коринфский обозначал Велеса как тура — «быка с человеческим лицом» [10, с. 178]. Б. А. Рыбаков тоже подчеркивает, что тур — это вторая ипостась «скотьего бога», популярная на юге, в то время как медведь — на севере [15, с. 430]. Видимо, не случайно Плеяды-Волосыни находятся в созвездии Тельца: связь со «скотьим богом» тут очевидна.

Но не менее важным является представление о Велесе как о Змее. Таковым он изображен, например, в Радзивилловской летописи, где мужи Олега клянутся перед идолами Перуна и Волоса [17, т. 1, с. 210]. По мнению В. Н. Топорова, «наиболее важным в реконструкции представлений о Волосе-Велесе оказалось открытие “змеиной” природы Волоса» [17, т. 1, с. 210], что подробно рассматривается в его статье «Еще раз о Велесе-Волосе в контексте “основного” мифа» [21, с. 50–56].

Дополняя далее картину об изучаемом божестве, Б. А. Рыбаков упоминает о збручском идоле, где изображены четыре небесных божества и одно подземное божество, изображенное коленапреклоненным. И заключает, что «с этим полухтоническим божеством нижнего мира естественнее всего отождествить Велеса» [16, с. 427]. «Велес, — пишет современный исследователь И. В. Лисюченко, — бог постепенно выделяющегося в сознании восточных славян Нижнего Мира» [9, с. 26].

Однако Б. А. Рыбаков добавляет: «Велес, хотя и был связан с мрачным подземным миром, но отнюдь не являлся враждебным божеством, а, наоборот, был “скотьим богом”, т. е. богом богатства, обилия» [16, с. 243]. Исследователь, таким образом, однозначно признает сопричастность Велеса миру подземному, но отрицает его связь с темными силами. Потусторонний мир далеко не всегда означает подземелье (хтонические начала и подземные чертоги), в его роли могут выступать и небеса [3, с. 88].

Понять иномирную роль Велеса помогают «Разысканиях в области русского духовного стиха» А. Н. Веселовского, где нет упоминаний о самом божестве, но отчетливо и многогранно представлены значения древнего индоевропейского корня ‘vel’. Исследователь утверждает, что древнейшее значение корня — «гибнуть» [6, с. 298]. Он обращает внимание, что морфема под воздействием ударения и особенностей языков может трансформироваться в ‘vol’, упоминая также «старосеверное walr, англосаксонское wailr, старонемецкое wal = гибель, сумма погибших» [6, с. 298]. Вспомним и русское слово «вал», имеющее значение нагромождения, возвышенности — «земляной вал, большая волна или куча сена» [3, с. 218]. Более соответствующим значению старонемецкой лексической единицы является древнерусское «валка» — синоним слова «война» [18, т. 1, ст. 225].

Упоминая о трансформации ‘vel’ в первую очередь в ‘vol’, А. Н. Веселовский предоставляет нам одну из возможных причин соединения Волоса-Велеса в двойственном имени божества на основании древнейшего ‘vel’. Наиболее близкими к исходным семам корня ‘vel’ А. Н. Веселовский усматривает литовское «welis» — «покойник», «wel’el» — «души умерших людей» [6, с. 297]. В латышском языке «wel’i» — «вре-

мя, когда души умерших людей ходят по земле, чтобы получить жертвоприношение», «weleniks = покойник, велямате = мать велей, повелительница мертвецов» [6, с. 297]. В латышском фольклоре вели — это ушедшие в мир посмертного существования предки, обладающие сакральными знаниями, которыми могут поделиться с живыми, со своими потомками. Такое восприятие велей подтверждается латышским аналогом Валгаллы — Миром велей, «загражденного воротами, которые открываются новичку при посредничестве и помощи предков» [6, с. 297].

В латышской мифологии происходит слияние образа велей с лаумами — объединяющей функцией является похищение (обмен) детей, «если родильница спит без лучины» [6, с. 297]. Лаум А. Н. Веселовский называет «роженицами славян», но основной их функцией считает «обмен детей», т. е. действие, когда некто из разряда низших небожественных существ оставляет собственных детей (или кукол), взамен взятых. Но и с велями, и с лаумами все обстоит не столь однозначно.

В энциклопедии «Мифы народов мира» лаума (латыш. laūma, литов. laūme) рассматривается как существующая «в восточнобалтийской мифологии первоначально богиня родов и земли; позже — злой дух, ведьма, летающая по небу. По ночам Л. души спящих, вызывает кошмары; подменяет родителям детей <...>» [13, т. 2, с. 40]. А. Н. Веселовский описывает образ уже трансформировавшейся богини, а вернее, разряд существ, появившийся вследствие «низвержения» Лаумы: по легенде она являлась женой Перкунаса (громовержца) и была низвергнута за неверность [13, т. 2, с. 40]. Существование единоличное, индивидуальное, под конкретным именем, как мы знаем, в народном сознании дается существам божественным и человеческим, в то время как персонажи так называемой демонологии (домовые, упыри, лешие, банники и т. д.) чаще обезличены. Это можно объяснить их низшей по отношению к героям и божествам позицией в фольклорной иерархии. Существует и другое объяснение: представление об упырях и берегинях древнее прочих (т. е. существ высшей мифологии), оно относится ко времени, когда человек не веровал в персонифицируемых существ. Последнюю точку зрения поддерживает Б. А. Рыбаков [16, с. 443]. Но тождественное или почти тождественное наименование может одновременно носить как божество, так и целый класс существ (иногда — низшей мифологии). Подобное явление связано с множественными изменениями с течением веков народной картины мира, что влечет за собой изменение обитателей фольклорного хронотопа. Это связано и со сменой способа существования (первобытнообщинный строй, охотничье общество, феодальное), и с принятием той или иной религиозной системы, и тому подобное.

Как следствие представлений различных эпох в литовской мифологической системе существуют: Лауме — жена Перкунаса, богиня родов и земли, Лауме низвергнутая, предстающая уже ведьмой, а также лаумы — «роженицы славян» (положительное представление) и — одновременно — похитители детей (отрицательное представление). Как богиня и как ведьма мифологический персонаж описан в энциклопедии «Мифы народов мира», а как вид потусторонних существ — нет.

Похожую, но немного иную ситуацию мы наблюдаем в отношении велей. Как разряд существ в названной энциклопедии они не представлены, но в ней присутствует статья о Велсе: «Велс, Виелона в балтийской мифологии бог загробного мира и скота. Польский автор 16 в. Я. Лосицкий упоминает Виелону как бога душ, которому приносятся жертвы, чтобы он охранял (“пас”) души умерших <...> Велсу был посвящен месяц октябрь» [13, т. 1, с. 228]. Здесь уже отчетливо прослеживается связь с Велесом — «ско-

тым богом» и с персонифицированными представлениями месяца. На последнее указывает слово «пас», употребленное в качестве обозначения особого вида охраны Велсом душ умерших, по аналогии с месяцем. Имплицитно в данном контексте он назван пастухом, а души — стадом. Но «древнеславянские сказания о богах, называя Велеса пастырем небесных стад, отождествляют его с месяцем (небесные стада — звездная россыпь)» [16, с. 177]. Образ пастбища как такового (с пастбищем, несомненно, связан Велес, представленный в образе тура, каким его видели южные славяне) в индоевропейской мифологической системе часто символизировал загробный мир [13, т. 1, с. 228]. Помимо этого, «у славян, как и у многих других народов, известно верование, что Луна — место пребывания душ умерших» [17, т. 3, с. 144].

Велес как в образе медведя, так и в образе змея в древнеславянском сознании был связан с Месяцем как явлением потустороннего мира. Так, древние славяне считали наиболее благоприятным временем охоты на медведя именно лунную ночь [17, т. 3, с. 214], а В. И. Даль при толковании слова «луна» использовал поговорку «Луна — медвежье солнышко» [20, т. 2, с. 312]. То есть медведь, имевший тесную связь с луной, оказывался соединенным с потусторонним миром.

Велес, если верить Радзивилловской летописи, изображался в виде змея и, следовательно, обладал его свойствами. К тому же в загробное царство, называемое у славян ирием или же вырием, улетали птицы и уползали змеи, считавшиеся воплощением душ умерших [17, т. 2, с. 423], что (а именно души-змеи) также косвенно указывает на связь Велеса с существами иномирия. Следовательно, сопричастность в сознании древних славян месяца (луны) потустороннему миру несомненна.

Велес, Велс, Вяляняс и месяц

Таким образом, Велес и Велс совпадают в основных своих мифологических чертах. А тождественность с велями проявляется только в значении иномирности. Отдельный интерес для нас представляет распределение функций между ‘vel’-персонажами в славяно-балтийской мифологии. Анализируя это, мы в первую очередь опираемся на работы В. Н. Топорова и В. В. Иванова (см.: [21; 9]).

Велс, утверждают в «Мифах народов мира» авторы статьи о нем, входит в систему восточно-балтийской мифологической системы как антагонист Перкунаса. А скот, приписываемый Велсу, является похищенным у противника: «Похищает у Перкунаса скот, прячется от преследования, оборачиваясь камнем, деревом, змеем, животным, человеком и т. д. (иногда сам снабжен атрибутами скота, например, рогами и копытами)» [13, т. 1, с. 228]. На основании чрезвычайной близости функций авторы соединяют славянского Велеса и балтийского Велса.

С ними в один ряд поставлены «древнеиндийские демоны Вала, Вритра — противники громовержца» [13, т. 1, с. 229]. Однако роль похитителя скота для Велса, бога загробного мира и пастуха, не свойственна, в отличие от Вяляняса.

В контексте изучения последнего особо интересна статья Н. Велюса «Velnio banda: ‘стадо Вяляняса’», опубликованная в «Балто-славянских исследованиях» в 1981 г., где сделан акцент на чрезвычайной популярности Вяляняса в литовском фольклоре; количество сказаний о нем превышает количество сказаний «о всех других мифологических персонажах вместе взятых» [5, с. 260]. Дословно на русский язык слово «Вяляняс» можно перевести как «черт», но автор очень осторожен с данным определением, так как «с этим последним (чертом) фольклорный вяляняс имеет не так много общего» [5, с. 261].

Во многих этиологических литовских сказках он выступает создателем всего скота. Чаще всего это связывается с отместкой вяльняса Богу за то, что тот сотворил человека. Правда, такое утверждение одной из сказок скорее всего является переосмыслением народного представления о том, что когда Бог создавал птиц (небесные творения), вяльяс создал земных животных (хтонических существ) (см.: [5, с. 262]). В некоторых литовских сказках стадом владеет «враг человека змеиной природы», который именуется «вяльнясом» [5, с. 261]. Одним из важнейших наблюдений Н. Велюса является тесная связь вяльняса со всеми животными (и их сотворением), и его свойства принимать облик любого из них [5, с. 267].

Совершенно иным представляется образ Велса, который связан не столько со скотом, как таковым, сколько с «небесным стадом» (звездами либо душами умерших, что отождествляемо). Следовательно, в балтийском фольклоре роли высшего существа, пасущего души мертвых, и хтонической силы, отождествляемой позже с нечистой силой, относительно разделены. В славянской картине мира Велес и Волос не имеют достаточной автономности друг от друга, оттого происходит многократное наложение разных особенностей в одной мифологической фигуре.

Таким образом, в народной картине мира месяц выполняет те же функции, что и языческий бог Велес. Можно говорить об их тождественности в народном мировосприятии, не изменявшемся на протяжении веков. Эта связь прослеживается и в обрядах почитания святого Власия, фигурой которого был заменен древнеславянский языческий бог в христианском сознании.

Связь Велеса и Дажьбога в древнерусском пантеоне несомненна, но аналогична всей сложности отношений олицетворенных Месяца и Солнца. Оба божества выступают подателями благ, но к Велесу обращались за богатством и приплодом, а к Дажьбогу — за урожаем.

Велес, если мы опираемся на древнейшую этимологию, в первую очередь, — бог потустороннего мира ('vel', 'vol' — индоевропейские корни, обозначающие смерть). Он — *пастух небесных стад*, т. е. душ, находящихся на небе, таким же эвфемизмом месяц назван в русских народных загадках. Древнеславянские поверья о луне как пристанище душ мертвых еще раз подтверждают тождественность божества (Велеса) и ночного солнца (Месяца).

Древние славяне отождествляли имя Велеса с неким хтоническим или обычным змеем, а также с медведем. Змей как представитель иномира связывает Месяц (обитель душ умерших) с Велесом. Объединяющим звеном между Велесом и Месяцем также без сомнения выступает иномирный медведь (дух медведя).

В близкой славянам балтийской мифологии небесный бог загробного мира и хтонический персонаж, связанный с подземным царством, два разных существа — Велс и Вяльяс. В древнерусской и славянской картине мира такого разделения не существовало (возможно, определенные границы были, но они стерлись еще в древнейшую эпоху), потому образ Велеса-Волоса двойной и монолитный одновременно.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 Афанасьев А. Н. Поэтические воззрения славян на природу: в 3 т. М.: Современный писатель, 1995. Т. 1. 483 с. Т. 2. 528 с.
- 2 Баранов А. В. Казачье и цыганское «солнышко» в народной картине мира // Многогранный В. И. Даль и современная филология: Мат. I Междунар. научн. конгр.,

- 22–23 ноября 2016 г. / под ред. М. А. Грачева. Н. Новгород: Изд-во НГЛУ, 2016. С. 22–25.
- 3 Большой словарь русских народных сравнений / сост. В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина; под ред. проф. В. М. Мокиенко. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2008. 800 с.
- 4 *Велецкая Н. Н.* Языческая символика славянских архаических ритуалов. М.: Наука, 1977. 228 с.
- 5 *Велюс Н.* Velniū banda: «стадо Вяльняса» // Балто-славянские исследования, сб. научн. ст. М.: Наука, 1981. С. 260–268.
- 6 *Веселовский А. Н.* Разыскания в области русского духовного стиха. СПб.: Тип. Императорской Академии наук, 1889. Вып. 5: XI–XVII. [2], 376, 106 с.
- 7 *Гальковский М. Н.* Борьба христианства с остатками язычества в Древней Руси: в 2 т. Харьков: Епархиальная типография, 1916. Т. 1. 376 с.
- 8 *Глинка Г. Г.* Древняя религия славян. М., Митава: Тип. И. Ф. Штефенгагена и Сына, 1804. 151 с.
- 9 *Иванов В. В., Топоров В. Н.* Исследование в области славянских древностей: лексические и фразеологические вопросы реконструкции текстов. М.: Наука, 1974. 342 с.
- 10 *Коринфский А. А.* Народная Русь: круглый год сказаний, поверий и обычаев русского народа. М.: АСТ, 2011. 734 с.
- 11 *Лисюченко И. В.* Эволюция двух видов мужских союзов у восточнославянских племен // Вестник ЧелГУ. 2009. № 41 (179). История. Вып. 38. С. 23–28.
- 12 *Мадлевская Е. Л.* Русская мифология. М.: Мидгард, 2005. 781 с.
- 13 Мифы народов мира. Энциклопедия: в 2 т. / под ред. С. А. Токарева. М.: Сов. энциклопедия, 1991–1992. Т. 1. 671 с. Т. 2. 719 с.
- 14 Пословицы русского народа: в 2 т. / сост. В. И. Даль. М.: Худож. лит., 1989. Т. 2. 447 с.
- 15 *Рыбаков Б. А.* Язычество древней Руси. М.: Наука, 1996. 701 с.
- 16 *Рыбаков Б. А.* Язычество древних славян. М.: Наука, 1994. 608 с.
- 17 Славянские древности (этнолингвистический словарь): в 3 т. / под ред. Н. И. Толстого. М.: Междунар. отношения, 1995. Т. 1. 575 с. Т. 2. 687 с. Т. 3. 693 с.
- 18 Словарь древнерусского языка (Материалы для словаря древнерусского языка): в 3 т. / сост. И. И. Срезневский. М.: Книга, 1989. Т. 2. Ч. 1. 851 с.
- 19 *Соколов М. Е.* Старорусские солнечные боги и богини. Историко-этнографическое исследование. М.: URSS, 2019. 184 с.
- 20 Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. / сост. В. И. Даль. М.: Русский язык, 1989. Т. 1. 699 с. Т. 2. 779 с. Т. 3. 555 с. Т. 4. 683 с.
- 21 *Топоров В. Н.* Еще раз о Велесе-Волосе в контексте «основного» мифа // Балто-славянские этноязыковые отношения в историческом и ареальном плане: тезисы докладов второй балто-славянской конференции, Москва, 29 ноября – 2 декабря 1983 г. М.: Наука, 1983. С. 50–56.
- 22 *Фаминцын А. С.* Божества древних славян. М.: Академический проект, 2012. 315 с.

© 2020. **Sergey O. Kuryanov**
Simferopol, Russia

© 2020. **Alexander V. Baranov**
Yalta, Russia

**THE SHEPHERD OF HEAVENLY HERDS AND THE GOD
OF CATTLE: VELES IN THE RUSSIAN FOLKLORE
WORLDVIEW**

Abstract: The paper reveals centuries-old connection between the Slavic picture of the world and pagan beliefs. The Moon (night light) is the deity associated with the god Veles (Volos). The author pays special attention to the principles of grouping of Veles' serpent, bear and auroch's faces which aimed to highlight his unity with the Moon. The link between Veles and Dazhbog in the Old Russian Pantheon is examined in complex relations of the impersonated Moon and Sun. Both deities are the bearers of benefits (Veles — of wealth and offspring, Dazhbog — of harvest). Veles is the God of the otherworld, a shepherd of souls of the dead. Old Slavic beliefs about the Moon as a haven for the souls once again prove identity of the deity (Veles) and the night Sun (Moon). The name of Veles was identified with a chthonic or usual serpent and a bear. The otherworldly serpent connects the Moon with Veles. The otherworldly bear serves as the link between Veles and the Moon. Contrary to the Slavic mythology, the Baltic mythology see the God of the otherworld and the chthonic underground character as different beings called Vels and Velnias. Therefore the image of Veles-Volos appears both dual and monolithic.

Keywords: Veles, Veles-Volos, Moon, lunar god, Dazhbog, Blaise, otherworld, velas, laumas, serpent, bear, Vels, Velnias.

Information about the authors:

Sergey O. Kuryanov — DSc of Philology, Associate Professor, Crimean Federal V. I. Vernadsky University, Academician V. I. Vernadsky Ave 4, 295007 Simferopol, Russia. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-7299-9568>. E-mail: so_k@inbox.ru

Alexander V. Baranov — Undergraduate, Crimean Federal V. I. Vernadsky University, Academician V. I. Vernadsky Ave 4, 295007 Simferopol, Russia. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-0595-8184>. E-mail: aleksandr.baranov.97@mail.ru

Received: July 30, 2019

Date of publication: June 28, 2020

For citation: Kuryanov S. O., Baranov A. V. The Shepherd of Heavenly herds and the God of Cattle: Veles in the Russian Folklore Worldview. *Vestnik slavianskikh kul'tur*, 2020, vol. 56, pp. 55–67. (In Russian) DOI: <https://doi.org/10.37816/2073-9567-2020-56-55-67>

REFERENCES

- 1 Afanas'ev A. N. *Poeticheskie Vozzreniia Slavian na Prirodu: v 3 t.* [Poetic Views of the Slavs on Nature: in 3 vols.]. Moscow, Sovremennyi pisatel' Publ., 1995. Vol. 1. 483 p. Vol. 2. 528 p. (In Russian)

- 2 Baranov A. V. *Kazach'e i Tsyganskoe "Solnyshko" v Narodnoi Kartine Mira* [Cossack and Gypsy Sun in the People's Picture of the World]. In: *Mnogogrannyi V. I. Dal' i Sovremennaiia Filologiiia: Materialy I Mezhdunarodnogo Nauchnogo Kongressa, 22–23 noiabria 2016 g.*, edited by M. A. Grachev. Nizhnii Novgorod, Izdatel'stvo NGLU Publ., 2016, pp. 22–25. (In Russian)
- 3 *Bol'shoi slovar' russkikh narodnykh sravnenii* [Russian Folk Comparisons Great Dictionary], compiled by V. M. Mokienko, T. G. Nikitina; edited by professor V. M. Mokienko. Moscow, OLMA Media Grupp Publ., 2008. 800 p. (In Russian)
- 4 Veletskaiia N. N. *Iazycheskaia Simvolika Slavianskikh Arkhaicheskikh Ritualov* [Pagan Symbolism of the Slavic Archaic Rituals]. Moscow, Nauka Publ., 1977. 228 p. (In Russian)
- 5 Velius N. *Velnio Banda: "Stado Vial'niasa"* [Velnio Banda: *The Herd of Velnias*]. In: *Balto-Slavianskie Issledovaniia, Sbornik Nauchnykh Statei*. Moscow, Nauka Publ., 1981, pp. 260–268. (In Russian)
- 6 Veselovskii A. N. *Razyskaniia v Oblasti Russkogo Dukhovnogo Stikha* [Researches in the Field of the Russian Spiritual Verse]. St. Petersburg, Tipografiia Imperatorskoi Akademii nauk Publ., 1889. Vol. 5: XI–XVII. [2], 376, 106 p. (In Russian)
- 7 Gal'kovskii M. N. *Bor'ba Khristianstva s Ostatkami Iazychestva v Drevnei Rusi: v 2 t.* [A Struggle between Christianity and the Remnants of Paganism in Ancient Rus': in 2 vols.]. Khar'kov, Eparkhial'naia tipografiia Publ., 1916. Vol. 1. 376 p. (In Russian)
- 8 Glinka G. G. *Drevniaia Religiiia Slavian* [The Ancient Religion of the Slavs]. Moscow, Mitava, Tipografiia I. F. Shtefengagena i Syna Publ., 1804. 151 p. (In Russian)
- 9 Ivanov V. V., Toporov V. N. *Issledovanie v Oblasti Slavianskikh Drevnostei: Leksicheskie i Frazеologicheskie Voprosy Rekonstruktsii Tekstov* [The Research in the Field of Slavic Antiquities: Lexical and Phraseological Issues of Text Reconstruction]. Moscow, Nauka Publ., 1974. 342 p. (In Russian)
- 10 Korinskii A. A. *Narodnaia Rus': Kruglyi God Skazanii, Poverii i Obychaev Russkogo Naroda* [Folk Rus': Legends, Beliefs and Customs of the Russian People throughout the Year]. Moscow, AST Publ., 2011. 734 p. (In Russian)
- 11 Lisiuchenko I. V. *Evoliutsiia Dvukh Vidov Muzhskikh Soiuzov u Vostochnoslavianskikh Plemen* [Evolution of Two Types of Male Alliances in Eastern Slavic Tribes]. *Vestnik ChelGU*, 2009, no 41 (179), *Istoriia*, vol. 38, pp. 23–28. (In Russian)
- 12 Madlevskaia E. L. *Russkaia Mifologiia* [Russian Mythology]. Moscow, Midgard Publ., 2005. 781 p. (In Russian)
- 13 *Mify Narodov Mira. Entsiklopediia: v 2 t.* [Myths of the Peoples of the World. Encyclopedia: in 2 vols.], edited by S. A. Tokareva. Moscow, Sovetskaia entsiklopediia Publ., 1991–1992. Vol. 1. 671 p. Vol. 2. 719 p. (In Russian)
- 14 *Poslovitsy Russkogo Naroda: v 2 t.* [Proverbs of the Russian People: in 2 vols.], compiled by V. I. Dal'. Moscow, Khudozhestvennaia literature Publ., 1989. Vol. 2. 447 p. (In Russian)
- 15 Rybakov B. A. *Iazychestvo Drevnei Rusi* [Paganism of Ancient Rus']. Moscow, Nauka Publ., 1996. 701 p. (In Russian)
- 16 Rybakov B. A. *Iazychestvo Drevnikh Slavian* [Paganism of the Ancient Slavs]. Moscow, Nauka, 1994. 608 p. (In Russian)
- 17 *Slavianskie Drevnosti (Etnolingvisticheskii Slovar'): v 3 t.* [Slavic Antiquities (Ethno-Linguistic Dictionary): in 3 vols.], edited by N. I. Tolstoi. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniia Publ., 1995. Vol. 1. 575 p. Vol. 2. 687 p. Vol. 3. 693 p. (In Russian)

- 18 *Slovar' Drevnerusskogo Iazyka (Materialy dlia Slovaria Drevnerusskogo Iazyka): v 3 t.* [Old Russian Language Dictionary (Materials for the Dictionary of the Old Russian Language): in 3 vols.], compiled by I. I. Sreznevskii. Moscow, Kniga Publ., 1989. Vol. 2. Part 1. 851 p. (In Russian)
- 19 Sokolov M. E. *Staroruskie Solnechnye Bogi i Bogini. Istoriko-Etnograficheskoe Issledovanie* [Old Russian Solar Gods and Goddesses. Historical and Ethnographic Research]. Moscow, URSS Publ., 2019. 184 p. (In Russian)
- 20 *Tolkovyi Slovar' Zhivogo Velikorusskogo Iazyka: v 4 t.* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language: in 4 vols.], compiled by V. I. Dal'. Moscow, Russkii iazyk Publ., 1989. Vol. 1. 699 p. Vol. 2. 779 p. Vol. 3. 555 p. Vol. 4. 683 p. (In Russian)
- 21 Toporov V. N. *Eshche raz o Velese-Volose v Kontekste "Osnovnogo" Mifa* [Once more on Veles-Volos in the context of the Main Myth]. In: *Balto-Slavianskie Etnoiazzykovye Otnosheniia v Istoricheskom i Areal'nom Plane: Tezisy Dokladov Vtoroi Balto-Slavianskoi Konferentsii, Moskva, 29 noiabria – 2 dekabria 1983 g.* Moscow, Nauka Publ., 1983, pp. 50–56. (In Russian)
- 22 Famintsyn A. S. *Bozhestva Drevnikh Slavian* [Deities of the Ancient Slavs]. Moscow, Akademicheskii proekt Publ., 2012. 315 p. (In Russian)